

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ

М. Н. ВЛАСОВА

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ МИФ» И НЕКОТОРЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИЕ СУЕВЕРИЯ XVIII—XIX вв.

(По материалам прозаического фольклора)

Одно из обликов Петербурга, таящееся за официально-блестящим, стройно-величественным фасадом, — туманно, сумрачно, изобилует призрачными видениями.

Подобный взгляд на затерянную среди болот и туманов, проклятую еще при начале строительства северную столицу России распространен. Он отражен и в многочисленных слухах, мифологических повествованиях, толкованиях снов и в литературных произведениях.

При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что значительная часть ставших расхожими «демонических» сюжетов, образов, поверий (в особенности относящихся к XVIII—XIX вв.) сочинена по известным полуфольклорным-полулитературным клише. Таковы, например, легенды о «колокольных привидениях», о призраках Павла I, двойниках императриц, ряд других.

Петербургские бытописатели, литераторы, краеведы опирались в своем творчестве на городскую фольклорную традицию, но о самой этой традиции в ее непосредственном бытовании мы знаем сравнительно мало. В отличие от крестьянских верований и фольклора поверья и — шире — менталитет российских горожан так и не привлекли серьезного внимания собирателей и исследователей вплоть до революции 1917 г., после которой вся подобная тематика оказалась под запретом и как бы «несуществующей». Начиная с 90-х гг. XX в., вслед за отменой диктуемых идеологией ограничений, публикации, посвященные демонологии, мифологии

Петербурга, лавинообразно хлынули на читателей. Однако далеко не все они научны, тем более — основаны на систематическом (выходящем за рамки архивов и библиотек) собирании «живых» записей современного фольклора горожан. Собственно говоря, систематическим и системным (т. е. многолетним, охватывающим разные жанры, формы бытования) изучением петербургского фольклора до сих пор никто не занимается. Поэтому любые экскурсии на темы мифологии или демонологии Петербурга могут быть лишь весьма приблизительными.

Прежде всего подчеркнем, что комплекс петербургских суеверий (отраженных в поверьях, обычаях, прозаических повествованиях) неоднoplanов: един, но и вариативен, не вполне одинаков для разных групп населения; устойчив в основных чертах — и в то же время изменяем на протяжении столетий.

Столь же неоднородны и сравнительно немногочисленные источники, по которым мы можем достоверно судить об особенностях суеверий северной столицы. Для первых веков истории города это чаще всего опубликованные и неопубликованные воспоминания петербуржцев, дневники, письма; для современности — сведения о поверьях, обычаях, собранные на протяжении последних десятилетий; устные рассказы горожан. Есть и специфические документальные источники.

К числу их относятся материалы Тайной Канцелярии (преимущественно первой половины XVIII в.), усердно преследовавшей инакомыслие даже в иррациональных сферах.

Петербургская мифология сложилась в основных своих чертах еще в первой половине XVIII в., впитав и трансформировав народные, и главным образом крестьянские, поверья.

«Подавляющее большинство первых петербуржцев да и последующих деревенских переселенцев, воспитано было на традиционной деревенской культуре, смотрело на мир и на все, в нем происходящее, глазами фольклорно мыслящего человека, потому новое, необычное и осмыслялось на основе устоявшегося веками и апробированного поколениями, исходя из прежней системы ценностей.

Фольклорное сознание, столкнувшись с таким нетрадиционным явлением, как Петербург, породило специфический городской фольклор, неизвестную старой России урбаническую мифологию, которые уходили корнями в традиционное мировоззрение, питаясь традиционной поэтикой, но и преодолевали их, трансформировали, создавая собственную систему образов, собственный набор сюжетов, мотивов, формул, штампов. <...> Это привело к появлению петербургской демонологии, мало похожей на нечисть крестьянской Руси и тем не менее кровно с ней связанной».¹

¹ Некрылова А. Ф. Петербургский постскрипtum // Русские суеверия. СПб., 2001. С. 643—644.

Согласно поверьям и мифологическим рассказам, которые так или иначе удалось зафиксировать в Петербурге, различные по происхождению, местообитанию и предназначению призраки, таинственные видения, прочие сверхъестественные существа искони составляли как бы «второе», обычно невидимое, население северной столицы. Появляясь в сумерках и ночью, выскальзывая из туманно-снежной мороси, они стали для Петербурга (и в устных преданиях, и в литературе) такой же достопримечательностью, как привидения старинных английских замков.²

В нынешнем Петербурге (утверждает современный автор) «есть немало мест, где можно увидеть призраков». Традиционно прославлен своими сверхъестественными обитателями Инженерный замок. «Призрак Распутина неоднократно видели в Юсуповском дворце. А по ночным цехам Путиловского завода до сих пор разгуливает его основатель, сожженный в одной из заводских котельных».³

Сей перечень несложно продолжить и расширить, представив историю Петербурга (не отделимую от истории России) в, так сказать, «призрачных видениях»: от тени Петра Великого, будто бы явившейся Павлу I, и многочисленных призраков убитых, казненных и замурованных — до гротескной Пиковой дамы детских страшилок и модернизированного «экстраенсорного» Пушкина.

В начале 90-х гг. XX в. призрак Пушкина (доселе как будто бы не замечавшийся в Петербурге) избрал местом своего явления фирму, помещавшуюся на Фонтанке, в бывшем доме Олениных. Целительница Н. А. Розманова, практиковавшая в фирме, «заметила один интересный факт»: «...если во время сеанса ее пациентом был человек искусства, личность творческая, то в помещении, где происходил прием, в воздухе, точнее сказать в эфире, выплывали облики известных людей, которые бывали гостями Олениных, и среди них — А. С. Пушкин».⁴

Целительница не только явственно ощущала «энергетическое присутствие» классика русской литературы, но и отчетливо его видела. Поэта отличал необычный разрез глаз («верхние веки как бы вздернуты») и «большие пушистые бакенбарды», до которых, казалось, «можно было дотронуться». Очевидица уверяла: призрачное присутствие Александра Сергеевича не озадачивало ее и не смущало. Напротив, оно приносило целительнице «прилив творческой энергии и уверенность в работе».⁵

Если не считать современной обстановки и терминологии, а также сугубо прагматического отношения к потустороннему пришельцу, сюжет изложен в духе традиционных представлений

² Там же. С. 646.

³ Петров В. Путешествие в Зазеркалье // Аномалия. 1995. № 14. С. 4.

⁴ Розманова Н. А. Поэт и гражданин // Там же. 1994. № 18. С. 4.

⁵ Там же. С. 4.

о сходных необычайных видениях (явлениях умерших), занимавших в XIX в. и умы простонародья, и образованных классов общества и составивших основу целого раздела фольклорной прозы, постоянно пополнявшегося и анализирувавшегося в работах С. В. Осокина, М. М. Зиминой, В. И. Смирнова, Д. К. Зеленина, Г. С. Виноградова, И. В. Карнауковой, В. П. Зиновьева, О. А. Черепановой,⁶ многих других.

О семантике «городских» потусторонних видений размышлял в XIX в. В. И. Даль: «Под словом *видение* разумеем мы такое явление, такой видимый предмет, который предстал глазам нашим необыкновенным, сверхъестественным образом... Подразумевается, что человек видит явившееся не во сне, а наяву; что, сверх того, видение это, по крайности, большею частью не вещественно, не осязаемо для рук, хотя и видимо для глаз; словом, что оно занимает какую-то неопределенную средину между плотским и бесплотным миром. Видения эти большею частью основаны на явлении тени или духа, как выражаются, т. е. человека, уже отошедшего в вечность и снова принявшего плотский, видимый образ, и в этом-то смысле видение получает более точное определительное название *привидения*. Впрочем, есть и видения другого рода, бесконечно разнообразные, как самое воображение человека.

Ум, разум и рассудок наш решительно противится тому, чтобы допустить возможность или быточность видений».⁷

Оставив вопрос о «реальности видений», заметим, что фольклор, связанный с петербургскими призраками, разнопланов. Это и отдельные, более или менее распространенные поверья (например, широко и повсеместно бытующие в XVIII—XX вв. представления о посмертном пребывании убитого в месте своей гибели); и прозаические повествования — фабулаты, созданные на основе «ходячих сюжетов» (такие, как рассказы о явлении белой женщины — предвестницы несчастья, повторяющиеся на протяжении XVIII—XX вв. в разных версиях и вариантах и в городской, и в сельской среде); и повествования менее стереотипные, но использующие традиционные мотивы, образы (чаще всего — о призраках «домашних», «семейных» — см. ниже).

⁶ Осокин С. В. Народный быт в северо-восточной России // Современник. 1856. Т. 59, 60; Зимин М. М. Ковернинский край // Тр. Костромского научного общ-ва по изучению местного края. Кострома, 1920. Вып. 17; Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае. Кострома, 1920; Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилото населения Сибири. Иркутск, 1923; Карнаукова И. В. Суеверия и бывальщины // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л., 1928. Ч. 2; Зиновьев В. П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987; Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996.

⁷ Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994. С. 112.

Поверья, образы, ставшие неотъемлемой частью «мифологии призрачного Петербурга», заимствованы в значительной части из традиционных народных верований — почти неизменных либо трансформированных городской средой, массовым сознанием. Такова вера в возможность «посмертного явления» умершего; представление о вечной неуспокоенности тех, кто умер неестественной или скоропостижной смертью; о духах жилища, в которых могут обратиться некогда жившие либо погибшие там люди, и т. п.

Наиболее распространенные «демонически-мифические» образы петербургских суеверий (развивающих самые общие традиционные представления о возможности проявления сверхъестественных сил, существ в обыденной жизни) — призраки и двойники, духи зданий, «ожившие мертвецы». Понятия о них своеобразно преломлены городской средой (бытом, историей Петербурга), различно взаимодействуют с литературной традицией, со складывающимся «петербургским мифом».

Отсутствующие среди «городских» духи природы (водяной, леший) заменяются разнородными духами зданий. В то же время к доминирующим в петербургской демонологии призракам можно — по способу проявления — отнести и домовых духов, и «живых покойников». Эта обширная «группа привидений» подразделяется, очень условно, на «привидения исторические, политические и домашние», то есть порождаемые различными историческими событиями и социальными институтами.

Наименее изменены временем и городской средой, пожалуй, поверья, повествования, связанные с «духами дома» и отождествляемыми с ними призраками, «теньями», являющимися покойниками; а на рубеже XX и XXI вв. — барабашками, полтергейстами и пр.

«Домашние суеверия», чаще всего объясняющие неожиданные, нежелательные происшествия влиянием сверхъестественных сил и существ или трактующие их как предсказания, — на протяжении трех столетий пронизывают все слои столичного общества: от дворян⁸ и благородных воспитанниц Смольного монастыря, спасавшихся от призраков под одеялами,⁹ до простых петербурженок, оборонявшихся от сверхъестественных пришельцев не только святой водой, молитвами, но и булавками и сохранивших вплоть до конца XX в. веру в пророческие способности домовых духов.

⁸ Один из известных столичных генералов первой половины XIX в. «был суеверен до невозможного. У всех его дверей были прибиты найденные им подковы... В его спальне сидел в клетке петух для отогнания домового» (*Пыляев М. И.* Замечательные чудачки и оригиналы. СПб., 1898. С. 22—24).

⁹ *Белусов А. Ф.* Институтка // Школьный быт и фольклор. Таллин, 1992. С. 138.

«Перед войной лежала я на кровати, — повествует семидесятилетняя ленинградка, — а ребенок спал. Ну, и я заснула. Тут дядя на меня какой-то сел и хотел меня придавить. А потом я выехала совсем из этого дома, война началась» (архив соб. М. Н. Власовой, Ленинград, май 1990, зап. М. Е. Теркиной). Подобные рассказы о начале Великой Отечественной войны неоднократно записывались в Петербурге в разных версиях.

Вера в домового издавна была общераспространенной на Руси. Порою благожелательный, а чаще капризный и непредсказуемый, домовый традиционных поверий — не только «хозяин» скота, двора, дома, но и «старший» в семье — предок, и персонифицированная судьба, и «душа-двойник» человека, и универсальное объяснение неурядиц, странностей, и участник мистификаций.

Домовой дух традиционных русских поверий мог бы «переселиться» в северную столицу вместе с рабочими-строителями из разных регионов России. Видоизменяясь под влиянием городской и книжной культур, приспособляясь к специфическому «многоквартирному» быту, поддерживаясь рассказами все новых и новых переселенцев, поверья и сюжеты, связанные с домовыми, обнаруживают порой удивительную преемственность, устойчивость. Некоторые современные петербургские домовые весьма похожи на своих «крестьянских» собратьев: это обычно незримые, свое нравные, но необходимые, одушевляющие и оберегающие жильё существа.

Ср.: «Есть дом в Мельничных Ручьях. Дом старый, он давно-давно у нас, и там постоянно кто-то ходит. В доме имя „его“ проносить нельзя, а то обидится и уйдет. А если уйдет, то весь дом рухнет. Он ходит по ночам и начинает по лестнице бегать, издает жуткие звуки, а в кухне порядок наводит, когда спать ложатся.

В кладовке в куче тряпок возится и анатомическим скелетом играет. Когда кто-то уйдет, он по лестнице тяжелыми шагами ходит. С вороной домашней разговаривает и пугает ее. Он живет только на чердаке» (архив соб. М. Н. Власовой, Полина Соловьева, 15 л., Ленинград, лето 1991, зап. М. Е. Теркиной).

Такие записи, однако, единичны. Из-за особенностей «типового и кочевого» петербургского житья, городские домовые редко отождествляются со сверхъестественными «хозяевами» квартиры, тем более — с «предками». Утратив, что естественно, традиционность пребывания возле печи и функцию покровительства скоту, домовые духи Петербурга (смешиваемые с покойниками и призраками; чаще антропоморфные, когда они видимы) устойчиво сохраняют функцию предсказания будущего.

Вещая грядущие перемены, домовый может «пугать» (шуметь, стучать, голосить), «наваливаться» на спящего и «давить» его, выживая из дома.

Для современных городских поверий (соотносимых с традиционными общерусскими) характерна неопределенно-таинственная ипостась домового духа — изумляющего, тревожащего либо устрашающего. Ср.: «Появился высокий мужчина из-за шкафа. Подошел к моей кровати, взялся за ноги и держит: не крикнуть, не пошевелиться. Одет в черное. Несколько раз приходил. А воткнула булавки в дверь, так больше не появлялся» (архив соб. М. Н. Власовой, М. Т., 60 л., Ленинград, весна 1990, зап. М. Е. Теркиной).

Согласно другому современному повествованию, в квартире на Гражданском проспекте сама собою двигалась мебель (это продолжалось около полутора лет). «Из ниоткуда» возникал человек среднего роста — «с курчавыми волосами и очень большой головой, в светло-коричневой куртке и брюках до колен, но босой». Повернувшись вокруг своей оси, он исчезал.¹⁰

Нечто похожее происходило и в Петербурге XIX в. «В городе говорят о странном происшествии, — писал Пушкин в дневнике 1838 г. — В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. Кн. В. Долгорукий нарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. Н. Сказал, что мебель придворная и просится в Аничков».¹¹

Причудливость подобных внезапных явлений в доме предполагала — на протяжении последних трех столетий — самые разные трактовки: от упомянутых выше предзнаменований до бессмысленных и злых «шалостей» сверхъестественных сил.

Более или менее традиционные «действия» домовых духов постоянно дополняются и переосмысливаются, неуклонно трансформируясь в суетном городском быту: от добродушно-патриархальных — к однозначно обременительным и разрушительным.

В современных петербургских сюжетах о сверхъестественных явлениях в доме на первый план выдвигается полтергейст (или барабашка) — «шумный дух» неясной природы, иногда именуемый по-прежнему: домовый, домовушка.

Петербургский полтергейст (безусловно, не тождественный домовому духу традиционных поверий) «обнаруживает все же ряд черт, очень для домового характерных. Ср. следующие проявления полтергейста: беспричинные, не имеющие источников звуки, стуки в окна, двери и стены, пол и потолок; скрип, царапанье, грохот, звуки пилы или стирки, падения, пляски; звуки шагов и голосов

¹⁰ Аномалия. 1990. № 6. С. 1.

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 8. С. 33.

(монологи и даже осмысленные диалоги с присутствующими); движение и полет предметов», и пр.¹²

Обнаруживающийся в петербургской квартире полтергейст (чаще всего — некая незримая сила) бьет посуду, лампочки и оконные стекла, зеркала; передвигает, прячет и портит предметы; шелкает, топают и рычит. Сугубо современное, роковое свойство петербургского полтергейста — неукротимое стремление подобраться к кранам, открыть их и устроить обширную протечку, удручив и перессорив хозяев квартиры, их соседей и коммунальные службы. Соответствующая деятельность «полтергейста Васи» из Веселого поселка спровоцировала в 1991 г. длительное разбирательство в суде Невского района.¹³

Несмотря на видимую анекдотичность эпизода с «полтергейстом Васей», он достаточно традиционен и органично продолжает длинный ряд российских судебных разбирательств XVIII—XX вв., в которых «участвует» нечистая сила либо расследуется «деятельность» нечисти (ср. описываемое ниже «следствие о кикиморе»).

В петербургском фольклоре XX—XXI вв. отчетливо выделяются сюжеты двух типов: о «коммунальном полтергейсте» и о «полтергейсте-инопланетянине». Наиболее агрессивны полтергейсты, которые обосновываются в коммуналках, т. е. проявляются на фоне напряженных социально-бытовых ситуаций. Нередко горожане именуют их «наведёнными» — вызванными или поддерживаемыми (нечаянно либо сознательно) посредством магии, спиритизма, экстрасенсорного воздействия.¹⁴

Зимой 1991/94 г. полтергейст, называемый по старинке домовушкой, обнаружился в коммунальной квартире на 4-й Советской улице. Здесь раздавались непонятные стуки, загорались вещи, летала по воздуху и билась посуда. Помимо того полтергейст разбрасывал по квартире ругательные записки в адрес одной из жилищ. Оскорбленная пожилая дама переехала к своей знакомой. Поселившись у нее, она сообщила, что в домовушку не верит. По мнению дамы, ее действительно выживали, но не таинственный дух, а соседи по квартире. Вскоре в пустующей комнате изгнанной жилицы возник пожар, виновником которого вновь объявили «домового-полтергейста».

Дальнейшие события развивались в духе частных и судебных разбирательств «под сенью сверхъестественного». В появлении «наведённого полтергейста» заподозрили сестер-соседа. Одна из них занималась спиритизмом (впрочем, сразу трое из квартирантов посещали курсы парапсихологии).

¹² Власова М. Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб., 2001. С. 159.

¹³ Аномалия. 1990. № 7. С. 7; 1991. № 9. С. 1, 4.

¹⁴ Плескач В. Полтергейст на 4-й Советской // Аномалия. 1990. № 9. С. 4.

В целях самозащиты, с сохраняемыми в тайне приговорами прочие жильцы начали кропить квартиру святой водой из православного храма.

В результате на почве коммунального житья столкнулись два подхода к сверхреальному и сверхъестественному: новаторский, сопровождаемый вызовом на дом уфолога и экстрасенса, и традиционный, предполагающий обращение к святыням Православия. Разгоревшиеся страсти отодвинули на второй план вопрос о том, полтергейст ли был виновником пожара и автором письменных поношений. Маловероятно, что подобная проблема в принципе разрешима. Бытие в коммунальной квартире способно породить и еще более аномальные явления. О них и повествуют множасьиися в Петербурге, а, в общем-то, типичные, сходные по семантике и структуре, хотя и адаптированные к специфической социальной реальности нарративы.

«Полтергейстов-инопланетян» в городских повествованиях нередко привлекают дети. В сюжетах этой категории дети могут быть друзьями полтергейстов, жертвами, носителями — в последнем случае экстраординарные события происходят исключительно в присутствии ребенка.¹⁵

Очевидно, как и столетиями ранее, петербуржцы (используя расщепленные современными деталями традиционные клише, сюжеты) стремятся объяснить вмешательством сверхъестественных существ и сил нежданные, нежелательные, беспричинные происшествия. Вероятно, велика здесь и доля мистификаций, даже махинаций (что было отмечено еще в XIX в. В. И. Далем).

Столь же «всесословна», почти не изменяема на протяжении столетий и вера в неуспокоенность тех, кто умер неестественной, скоропостижной смертью, — она отражена в многочисленных городских легендах о призраках убитых, замученных, казненных, которые появляются либо пребывают на месте своей гибели.

«Народная молва пронесла через столетия напоминание о том, что призраки замученных Бироном людей появлялись в самом начале набережной Фонтанки, у Прачечного моста, где когда-то находились тайные службы герцога. Впрочем... исторические адреса даже привидениям не удавалось установить достаточно точно, поскольку тени жертв бироновщины появлялись и на берегах речки Ждановки. Молва опять же приписывала их появление находившимся здесь этим же тайным службам».¹⁶

Позже, адаптируя представления о вечной связанности призрака убитого или казненного с местом гибели все к новым и новым историческим обстоятельствам, народная молва наполнилась слухами и повествованиями о призраках убиенного императора Павла

¹⁵ Аномалия. 1995. № 9. С. 6; 1992. № 8. С. 1.

¹⁶ *Tonne Г.* Твое открытие Петербурга. СПб., 1995. С. 8.

Петровича, повешенных народовольцев, казненного Путилова: «Страна питала и никогда не могла досыта напитать кровью своею петербургские призраки» (А.Толстой).

Обилие «исторических призраков» — или неких «запредельных преломлений» официальной истории — характерная черта туманного и двоящегося столичного бытия. Преобладают здесь, правда, не славные и благополучные тени, но видения мрачные и трагические.

Существенную часть петербургской демонологии формируют и «суеверия высших слоев общества», воплощенные в легендах и преданиях о «сугубо благородных призраках». Таковы легенды о пророческой тени Петра Великого, посетившей императора Павла Петровича;¹⁷ о призрачных двойниках, предвестивших кончины императриц Анны Иоанновны и Екатерины II; о «замковых призраках» — привидениях убиенных монархов, родовитых воителей и владетелей, кои, подобно призракам Павла I, «обязаны» населять примечательные постройки и местности.

Правда, и эти поверья, сюжеты соотносимы с традиционными народными — но в специфическом преломлении истории дворянского рода, правящей династии, столичных и государственных учреждений, зданий.

По уверению одного из наших современников, «каждый год в день и час своего убийства призрак Павла I проходит по Инженерному замку».¹⁸ Еще один (или тот же?) призрак императора обитает в Гатчинском дворце, другой будто бы являлся в Зимнем.¹⁹

Несомненно, что педантично соблюдающий время и место появления призрак убиенного императора обратился в классическое, по образцу английских, дворцовое или «замковое» привидение. Наличие такого — хотя бы одного на весь город — «исторического призрака» насущно необходимо. Оно придает основательность и занимательность архитектурному убранству, свидетельствует о весомости государственной истории и традиций — пусть и не привлекательных, но соответствующих европейским стандартам (ср., например, сюжет, широко известный по шекспировскому «Гамлету»: убиенный государь лишен посмертного успокоения и бродит по своему замку).

Подобная посмертная участь предопределена и многими чертами характера императора Павла — рыцарственностью и пристрастием к замкам, склонностью к мистицизму, насильственной, окруженной страшными слухами кончиной; трагичностью и недо-

¹⁷ Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. СПб., 1901. С. 36—39.

¹⁸ *Петров В.* Путешествие в Зазеркалье. С. 4.

¹⁹ Несколько недель при русском дворе в 1846 г. // Русская старина. 1879. Т. 24. С. 340.

сказанностью судьбы, в которой переплелись косная российская обыденность и мистика, жертвенность и педантизм. «Уход за младенцем Павлом сопровождался разными суеверными обрядами, в роде нашептываний, дуновений „от призору очес“ и т. д.» (при дворе изобиловали в то время странницы, сказочницы, богомолки). Эти бредни и сказки «расстроили воображение ребенка, развили в нем склонность к сверхъестественному» — то верование в приметы, сны, призраки, которое сохранилось в нем и в зрелом возрасте». ²⁰ Павел Петрович был, по легенде, едва ли не единственным россиянином, удостоившимся увидеть загробную тень Петра Великого. Сны и предчувствия сопровождали восшествие Павла I на престол и его безвременную кончину.

С другой стороны, краткое и бурное царствование Павла Петровича, по выражению его современника, «сорвало маску с прежнего фантазмагорического мира»: «... все пышное государственное здание Екатерины было потрясено, когда с мундиров сорвали золото, потребовали трудолюбивой службы...» ²¹ Впрочем, крутые, а иногда и странные меры, предпринимаемые Павлом I, в сущности, не представляли ничего необычного для России, где — традиционно — с одними фантазмагориями боролись посредством других фантазмагорий.

Усвоив роль рыцаря, ополчившегося на борьбу со злом, но разочаровавшись в подданных, император ощущал себя едва ли не осажденным в собственном замке. «Графиня С. Д. Строганова рассказывала П. А. Плетневу, что Павел I, приехав в Михайловский замок, считал себя уехавшим из Петербурга, с которым сносился через почту, как бы живя в Гатчине или в Павловске». ²² Да и само явление новопостроенного замка (с надписью на фасаде, пророчески возвестившей о сроке жизни императора) вновь оттенило некую обреченность «мятежного венценосца», предопределенность его судьбы, исполненной странных и символических совпадений. Горожане рассказывали, что Павел, намереваясь короноваться, прибыл в Москву в день входа Христа в Иерусалим; венчался на царство в день Светлого Воскресения; он умер там же, где и родился, через сорок дней после переезда в новое жилье. Михайловский замок стал посмертным прибежищем убитого императора.

Однако обезличенная роль «замкового привидения» не требует серьезного исторического контекста, утруждающего массовое сознание. Драматические перипетии судьбы Павла I сводятся здесь к простейшей триаде: замок—цареубийство—призрак. В обличье идеально-обобщенного привидения нет избыточных черт, неархе-

²⁰ Цесаревич Павел Петрович // Русская старина. 1874. Т. 9. С. 667—668.

²¹ Записки де Санглена // Там же. 1882. Т. 36. С. 486.

²² *Божерянов Н. И.* Невский проспект. СПб., 1903. Т. 2. С. 322.

типических подробностей. Явление призрачного Павла Петровича описывается в самых общих чертах: возникая из мистически-расплывчатой дымки, император «ходит», «проходит» по своим владениям.

На первый план выдвигается увлекательная обстановка видений: громада Михайловского дворца, по замечанию архитектора Коцебу, — «истинного лабиринта темных лестниц и мраморных коридоров». Коцебу уточняет: ему понадобилось более двух недель, «чтобы обойтись без провожатого и чтобы научиться одному, не заблуждаясь, ходить по этому лабиринту».²³ Загадочно притягательны и окрестные подземелья — потаенный подземный ход будто бы пролегает под Михайловским замком.²⁴ Видимо, не случайно и призрак Павла I, обретающийся в Гатчине, любит прогуливаться по тамошнему подземному ходу, открытому и для обычных посетителей. «Экскурсоводческие легенды» предупреждают: столкнувшись с императором, нужно немедленно, не раздражая его, уступить дорогу.

Дворцовые и замковые лабиринты современного Петербурга стали «ареной призракоискательства», которое обогащает петербургские «призрачные сюжеты». Поиски привидений в 90-х гг. XX в. шли и в Гатчинском дворце. Оснащенные специальной аппаратурой уфологи пытались обнаружить здесь группу привидений. Одно из них материализовалось за ближайшей дверью в обличье «объемного энергетического сгустка вытянутой формы». Передвигаясь далее, поисковики, с целью привлечения привидений, попытались создать энергетическую воронку в Арсенальном каре Гатчинского дворца. «Арсенальное каре, как и весь дворец, производило впечатление огромной залы, едва заполненной тусклым свечением огромных окон. Винтовые лестницы, анфилады комнат — все это навевало приятную ностальгию по временам минувшим». В притягательной для «замковых призраков» обстановке исследователи ожидали увидеть одно из привидений, систематически, по рассказам очевидцев, выходявшее из стенной ниши в час полнолуния. Придерживая левой рукой конец железной цепи и сжимая в правой руке эфес заржавленной шпаги, призрак направлялся мстить неведомым обидчикам.

Однако вместо классического «замкового призрака» в Арсенальной зале удалось заметить лишь человекообразную фигуру: «Она словно сопротивлялась, вибрируя и изгибаясь, какой-то внешней силой».²⁵

К счастью или к несчастью, избежал «энергетической воронки» и призрачный Павел I.

²³ Павел I. С. 285.

²⁴ Петров В. Путешествие в Зазеркалье. С. 4.

²⁵ Аномалия. 1994. № 21. С. 4.

Круг современных петербургских поверий и повествований, связанный с «замковыми призраками», сравнительно разнообразен, однако стремление создать новаторские методики научного поиска и классификации привидений продолжает соседствовать с расхожими представлениями о загробных явлениях воителей в цепях и убиенных монархов. Поэтому можно предположить: легенды о «замковых призраках», объединяясь в циклы, и в дальнейшем будут звучать в традиционных, пусть несколько осовремененных версиях. А контрастный и призрачный, ночной и сумеречный Петербург, противостоящий своему же дневному парадному фасаду, останется не только городом энергично-победительного, чуждого мистики Петра Великого, но и убиенного Павла Петровича и его печальной, недопонятой, но многократно запечатленной в городском фольклоре судьбы.

Петербургские легенды о двойниках императриц более «придворны и парадны». Первый из двойников явился Анне Иоанновне (он посетил ее дворец, находившийся в Летнем саду и снесенный впоследствии при воцарении Елизаветы Петровны).

«...Караул стоял в комнате, возле тронной залы, часовой был у открытых дверей. Императрица уже удалилась во внутренние покои; было уже за полночь...

Вдруг часовой зовет на караул, солдаты выстроились, офицер вынул шпагу, чтобы отдать честь. Все видят — императрица ходит по тронной зале взад и вперед, склоня задумчиво голову, не обращая ни на кого внимания».

Бирон удостоверил: государыня в спальне. «Это что-нибудь не так, здесь или заговор, или обман, чтобы действовать на солдат», — сказал он, побежал к Анне Иоанновне и уговорил ее выйти.

«Императрица решается выйти как была, в пудермантеле, — повествует далее легенда. — Бирон идет с нею. Они видят женщину, поразительно похожую на императрицу, которая нимало не смущается. <...> Императрица, постояв минуту в удивлении, подходит к ней, говоря: „Кто ты? Зачем пришла?“ Не отвечая ни слова, привидение пятится, не сводя глаз с императрицы, к трону, всходит на него и на ступенях, глаза обращая еще раз на императрицу, исчезает. Императрица обращается к Бирону и произносит: „Это моя смерть“».²⁶

Видение оказалось пророческим: через несколько дней Анна Иоанновна скончалась.

Вера в то, что перед смертью человек может повстречать своего двойника (или белую женщину, Белую Даму), вестника неизбежного несчастья, в России XVIII—XIX вв. была распространена

²⁶ Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 1887. С. 57—58.

не только среди простонародья,²⁷ но и среди образованных сословий. «Если двойника застанешь у себя в комнате или вообще, если он предшествует человеку, идет наперед, — писал, перечисляя соответствующие поверья, В. И. Даль, — то это означает близкую кончину; если же двойник идет следом за хозяином, то обыкновенно намерен только предостеречь его».

Констатируя распространенность подобных суеверий «по всей Европе, особенно северной», Даль резюмировал: «Есть люди, кои, по их уверению, почти беспрестанно видят своего двойника и уже к этому привыкли».²⁸

В Петербурге рассказывали и о том, будто незадолго до кончины «двойника, сидящего на престоле», видела и Екатерина Великая.

Повествования о зловеще величественных двойниках Анны и Екатерины возникли, скорее всего, на перекрестье сословных и «собственно придворных» (возможно, заимствованных из Германии) суеверий. Появление Белой Дамы — *Weisse Frau*, *La Dame Blanche* — «было всегда исключительно принадлежностью дворцов владетельных особ и считалось предвестьем кончины кого-либо из них. Кончина таких особ могла иметь важное политическое значение. Поэтому подобного рода призрак считался всегда привидением аристократическим» (распространяя слухи о собственных *Weisse Frauen*, мелкие владетельные роды Германии подчеркивали этим свою значительность).²⁹

В полном соответствии с иноземной традицией, то есть в мистически торжественных тонах, интерпретирует возникновение венценосного двойника рассказ, внесенный в «Записки» короля Франции Людовика XVIII. Екатерине Великой «будто бы пришлось увидеть самое себя сидящей на троне при каком-то странном зеленоватом освещении всей залы».

Легенды прибавляли обычно: проявляя царственную неустрашимость, и Анна, и Екатерина приказывали стрелять в дерзкое видение, которое вело себя тоже «стереотипно величественно». Невзирая на гром выстрелов и разлетающиеся осколки зеркал и оконных стекол, двойник медленно и невозмутимо сходил с трона, грозил пальцем и — бесшумно и бесследно — исчезал, после чего зала мгновенно погружалась в непроницаемый мрак.³⁰

Трудно сказать, слагались ли петербургские версии сюжета о венценосном двойнике по каким-то «политическим заказам». Вполне вероятно, что сама Екатерина II, весьма пекшаяся о славе своего царствования, либо ее сподвижники-почитатели, либо суетная молва не преминули придать окончанию трудов и дней

²⁷ Власова М. Н. Русские суеверия. С. 36—38, 151.

²⁸ Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках... С. 115.

²⁹ Карнович Е. П. Белая Дама // Исторический вестник. 1886. Т. 24. С. 166.

³⁰ Там же. С. 165.

великой императрицы архетипически повторяющиеся величавые черты.

«При этом, — полагает Г. Гоппе, — рассказчики не утруждали себя поисками каких-то новых деталей, твердо придерживаясь рамок прежнего сценария... Впрочем, придворные дамы отметили и много других символических примет, указывавших на завершение жизни просвещенной царицы. Тут и падающий метеорит, и разряд молнии, повредивший любимые Екатериной драгоценности в Эрмитаже, и часы, остановившиеся в ее спальне. И всякий раз, как отмечали фрейлины, императрица связывала их со своей близкой кончиной. {...} Любящая придавать каждому жесту особую многозначность, хозяйка империи позволяла себе кокетничать и со смертью».³¹

XIX в., не столь приверженный парадным придворным легендам подобного склада, едва не стал, однако, эпохой венценосных двойников и привидений «мужского рода» (утративших в Николаевское время большую часть зловещего блеска).

Тем не менее облаченные в белое дамы продолжали являться и далее — преимущественно в старинных столичных зданиях, и в особенности там, где жили подростки и дети.³²

Несмотря на внешнюю парадность, петербургская «придворная мифология» начиная с XVIII в. была пестрым смешением заимствованных за рубежом и отечественных «благородных», а также исконно народных суеверий, которые с малых лет усваивала и взращенная «няньками-мамками» институтка, и окруженная многочисленным штатом приживалок, сиделиц, богомолок, баб-сказочниц императрица. Болтая, вся эта «челядь весьма низкого звания», «напоминавшая разнохарактерную барскую дворню крепостных холопов», сообщала самодержицам «всякие дразги».³³

Менталитет высших сфер столичного общества нередко мало отличался от простонародного: те же слухи, толки, поверья. Суеверная императрица Елизавета боялась привидений и покойников; стремясь обезопасить себя от нечисти, граф Н. И. Салтыков носил на шею множество маленьких финифтяных образков, носил их даже во всех карманах, и т. п.

Повествования о *Weisse Frau*, Белой Даме, почтенного немецкого рода, вещающей скорую смерть самодержицы, и о белой даме — привидении старинного здания — постоянно смешивались с распространенными народными рассказами о явлении белых женщин — вестниц перемен и бед. А слух о подпрыги-

³¹ *Gonne Г.* Твое открытие Петербурга. С. 79.

³² «Весьма подходящим местом для бытования таких рассказов являлись старинные здания Смольного монастыря...» (*Белюсов А. Ф.* Институтка. С. 137).

³³ *Семевский М. И.* Екатерина Алексеевна и Анна и Вилли Монс. СПб., 1884. С. 197.

вающей дворцовой мебели во многом повторял сюжет о проделках домового духа, известный в России с XVII в. (пожалуй, и ранее).

Созвучные народным поверьям, легендам, преданиям «придворные» суеверия и легенды легко усваивались массой городского населения. Их неоднократно удачно использовали в политических целях. Так, во время правления Анны Леопольдовны по городу упорно ходила молва, будто в соборе Петропавловской крепости встает из гроба призрак Петра Великого и требует вернуть трон своей дочери.

Сей чудесной истории верило не только простонародье, но и (неважно, искренне или нет) немалое число знатных горожан. Повествования об «исторических и политических призраках» — вероятно, кем-то сочиняемые по заказу или по вдохновению, не без литературных влияний и стереотипов, повторяемые в разных интерпретациях, и с глубокой верой, и с насмешкой, — быстро расходились по городу.

«Призрачный петербургский пиар» XVIII—XIX вв. был, таким образом, взаимообращающимся. Питаемое повествованиями о привидениях, чудесах и прочих смутных образах российского и петербургского бытия народное сознание вновь и вновь складывало архетипически повторяющиеся сюжеты о призраках скончавшихся и погубленных, о двойниках скрывающихся государей.

«Рассказы эти, появлявшиеся всегда после кончины венценосцев или особ, близких к престолу, из столиц распространялись по всем концам России или, наоборот — из отдаленных окраин империи достигали до Петербурга и до Москвы, проникая даже и в образованные классы общества».³⁴

Специфическое развитие получили в северной столице традиционные представления о двойниках-оборотнях, «обосновавшихся» не только в частной, но и в общественной жизни. Оборотнический двойник Петра I («немецкий оборотень»), фигурирующий преимущественно в легендах раскольников, персонифицировал в начале XVIII в. враждебность «подмененной дворянскими силами власти», которая множит зло и обманы.

Впечатление, производимое на россиян колоссальной личностью Петра, всегда было контрастным: от безоговорочного восхищения до столь же безоговорочного неприятия.

Вдохновенное, но и подавленное масштабом деяний первого российского императора народное воображение старалось «примерить» к Петру более или менее привычные мотивы, ситуации, обличья (часто не выходя за рамки мифотворчества).

³⁴ Император Иоанн Антонович // Русская старина. 1879. Т. 25. С. 511—512.

Петр Великий — всемогущий царь, способный воздвигать на воздухе города, смирять стихию волн.³⁵ Он же — Антихрист, «природу и людей истязующий», на коем «сидит церковь нестароверческая».³⁶ Так — противоположно — могли интерпретироваться, например, рассказы об усмирении кнутом Ладоги, прочие легендарные эпизоды из жизни самодержца.

Опасливо-двойственное восприятие (или неприятие) нововведений, непрестанных перемен, чуждых и ежеминутно грозящих повернуться еще какой-то неизведанной, но наверняка неприятной стороной, породило двуплановый образ Петра-подменьша, оборотня.

В соответствии с извечной российской традицией приписывать беды «иноземным проискам» сей подменьш обычно оказывается «немецким» (то есть сотворенным немцами либо шведами), но — независимо от конкретной национальности — враждебным и сверхъестественно могущественным существом.

Согласно одному из слухов, ходившему по Петербургу в первые десятилетия его строительства, Петр-подменьш объявился на Руси из-за того, что царица Наталья Кирилловна разрешилась от бремени не долгожданным сыном, а дочерью. Убоявшись мужнина гнева, она заменила новорожденную мальчиком, «подменьшем из Немецкой слободы». Утверждали также: подменьш Лже-Петр — сын Лефорта.³⁷

Упорны были и толки о том, будто царя Петра подменили во время его очередного пребывания за границей.

Царь жив, но скрывается: «Ходил царь Петр в турецкую землю послом, а из той земли пошел в город Стекгольм. А тот город держит царица, и к той царице отписал турок: „Пошел к тебе посол русский царь“. А та царица его не отпустила, посадила под караул, а вместо его избрала такого ж молодца и послала его в Россию на царство.

И по приезде своем начал бороды брить и платья резать по своему и жаловал своих неверных в высокие чины. И никто его не познал, токмо познала царица, и он ее от себя отринул и взял себе иную. А сам пошел на службу, а царевич остался на царстве (...). А по отъезде его на службу царевич начал неверных гнать, чтоб их не было на царстве. И, услыша, он (мнимый царь. — М. В.),

³⁵ Петр Великий укротил плетью бушующую Ладогу; заклал сорок в Петербурге; «знал все на свете, только не умел лаптей плетью» (*Белов Д.* Русская история в народных поговорках и сказаниях // Исторический вестник. 1884. Т. 17. С. 262).

³⁶ «Что про зверя, из моря исходяща, тут написано (трактовал Апокалипсис предсказатель времен Анны Иоанновны. — М. В.), так это царь Петр (...) что море паче всего любил» (*Костомаров Н. И.* Тайновидец // Исторический вестник. 1886. Т. 26. С. 11—12).

³⁷ *Семевский М. И.* Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. СПб., 1884. С. 66.

возвратился назад и царевича уходил сам, а потом и сам умер. А ее (ложную царицу. — *М. В.*) пожаловал на царство».

Легенда прибавляла: Петр истинный непременно должен объявиться, но почему-то медлит.³⁸

Так, применительно к новым социально-историческим реалиям, трансформировались распространенные народные представления о возможности подмены оборотнем новорожденного ребенка или взрослого человека, оказавшегося во власти нечисти.³⁹

В повествованиях о царе-подменыше, излюбленных раскольниками и охотно подхватываемых широкими массами населения, развивалась тема «подмены-измены», вторжения губительных «нечистых» влияний в привычный ход российской жизни: взамен похищенного и погубленного царя на престол восходит Лже-Петр, сотворенный нечистью иноземный двойник самодержца. Обманная суть такого двойника (по-народному, «обмена», «подменыша», «оборотня») очевидна немногим и может быть разоблачена лишь чудом, ценой огромных усилий, граничащих с волшебством.⁴⁰

После безвременной кончины Петра Великого к толкам и легендам «об оборотне на престоле» прибавились толки об оборотничестве всей царской семьи. Уверяли, что Петра «испортила» царица Екатерина, а от царицы-иноземки повелся в России «иноземный народ».⁴¹

Опасны и восковые куклы — дьявольские создания, прижизненные, но в основном «посмертные копии» самодержцев. На протяжении двух столетий по Петербургу неоднократно расползались слухи о рукотворных двойниках государственных деятелей. Рассказывали, будто кукла была казнена вместо опального кабинет-министра Волынского. О восковых масках, накладках, фигурах толковали и после внезапной кончины Александра I (в гробу был привезен и погребен не царь, а труп «какого-то солдата» либо кукла), и после смерти цесаревича Константина Павловича (погребена кукла, а цесаревич жив).⁴²

Популярные в XVIII и в особенности в XIX в. легенды о «загробных подменышах» — «несомненные произведения народной фантазии», старавшейся по-своему объяснить события русской

³⁸ *Михневич В.* Женское правление и его противники // Исторический вестник. 1882. Т. 7. С. 266—267.

³⁹ *Власова М. Н.* Русские суеверия. С. 367—371.

⁴⁰ Ср., например, легендарное повествование, опубликованное П. Басниным, где Петр, сожженный, но преобразующийся, белым голубем взмывает над пылающим срубом (*Баснин П.* Раскольничьи легенды о Петре Великом // Исторический вестник. 1903. Т. 92. С. 517—539).

⁴¹ *Михневич В.* Женское правление... С. 267—268.

⁴² *Шильдер Н.* Похоронный год // Русская старина. 1897. Т. 90. С. 16—23; Народные толки о цесаревиче Константине Павловиче // Там же. 1878. Т. 23. С. 135—142; Император Иоанн Антонович. С. 511—512.

истории⁴³ (истории «смутной» и потому особенно притягательной для двойничества и самозванства).

На протяжении трех столетий бытование петербургской демонологии не было единообразной: неизменно, подспудно сохраняющаяся вера в чудеса и привидения вступала в неоднозначное взаимодействие с историческими и социально-политическими реалиями: иногда — преследовалась, иногда — культивировалась, даже поощрялась. При Петре I, чуждавшемся суеверий, даже и благороднейшие призраки не решались предстать пред царскими очами, но посещали потихонечку обычных горожан, образуя нечто в роде «призрачного антиреформенного фронта», упорно искореняемого Тайной Канцелярией (см. ниже).

«Темное царствование» Анны Иоанновны породило массу привидений, которые частично рассеялись при воцарении Елизаветы Петровны (хотя этому воцарению, как упоминалось, способствовали слухи о призраке). Прагматичная и трезвомыслящая Екатерина II, в принципе суеверие осуждавшая, все же использовала «наследственные легенды о сверхъестественном» для утверждения славы своего царствования. После этого потусторонние видения неофициально «утвердились» в высших столичных сферах и лишь с воцарением государя Николая Павловича почти оставили царскую семью.

Впрочем, начало XIX в. (как и XX и XXI) было отмечено в Петербурге повышенным интересом к сверхъестественному. «По духу времени» многие горожане (помимо привычных суеверий и видений) увлеклись месмеризмом, магнетизмом, вызыванием духов и прочими изысками, причудливо сочетавшимися с православной практикой.

Так, в конце 1816 г. «кадету 2-го кадетского корпуса Волотскому, мальчику лет 15, начало каждый день являться видение в белой монашеской мантии, в клобуке и с деревянным крестом в руках». Оно уговаривало его идти в монахи (событие породило длительную переписку между директором кадетского корпуса, министром Голицыным и великим князем Константином Павловичем, главным начальником Пажеского и всех кадетских корпусов).⁴⁴

Что же до более широких масс петербуржцев, то из века в век они пребывали в более или менее традиционном кругу историй и слухов о «домашних привидениях», нарушавшемся порою бурным проникновением «призраков исторических и политических».

Вплетаясь в неофициальную и полуофициальную историю города, мотивы, образы народных поверий участвовали иногда в формировании особо знаковых для северной столицы сюжетов.

⁴³ Шильдер Н. Похоронный год. С. 21.

⁴⁴ Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович // Русская старина. 1877. Т. 20. С. 77—78.

Таков эпизод с кикиморой, которая — вполне в соответствии с пространенной верой в существование кладбищенских, колокольных, церковных привидений⁴⁵ — возникла зимой 1722/23 г. на колокольне церкви во имя Животворящей Троицы (на Петербургской стороне). Впоследствии этот знаменательный в столичной истории дух обрел «вторую жизнь» не только в слухах и толках, но и в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (дьячок, спускаясь с колокольни, впотьмах «увидел кикимору — худую бабу и простоволосую — сильно испугался и затем кричал в кабаке: „Петербург, мол, быть пусту“, — за что был схвачен, пытан в Тайной Канцелярии и бит кнутом нещадно»).

А. Н. Толстой пересказал эпизод с явлением кикиморы по-своему. Сведения о нем, сохранившиеся в материалах Тайной Канцелярии, и прозаичней, и оригинальней.

Согласно свидетельским показаниям, 8 декабря 1722 г. солдат Данилов «не без страха» стал на караул к соборной церкви. В городе ходили слухи, будто недели три назад в церковной трапезе неоднократно стучал и бегал невидимый дух. И действительно, вскоре после полуночи на деревянной лестнице колокольни послышался страшный шум: явственно различались стук, беготня, шаги.

Солдат не посмел оставить свой пост, а дождался псаломщика, пришедшего благовестить. Поднявшись на колокольню, псаломщик «скоро усмотрел»: лестница-стремянка, «по которой карабкались обыкновенно для осмотра к самым верхним колоколам, оторвана и брошена наземь, «порозжий канат перенесен с одного места на другое, наконец, веревка, спущенная для благовесту в церковь с нижнего конца в трапезе, на прикладе обернута вчетверо».

Наутро соборный причт стал заинтересованно обсуждать происшествие. «„Никто другой, как кикимора“, — говорил поп Герасим Титов, относясь к дьякону Федосееву. Тот расходился во мнениях по этому предмету. „Не кикимора, — говорил он, — а возится в той трапезе черт“».⁴⁶

Подобная противоречивость толкований не случайна: образ кикиморы в русских поверьях — один из самых неодноплановых и «неуловимых». Кикиморой (шишиморой) нередко именуются самые разные сверхъестественные существа — от лешачихи до вызывающего кликушество беса и черта (нечистого духа). В петербургской легенде XVIII в. существо, называемое кикиморой,

⁴⁵ АРЭМ. Ф. 7, оп. 1. № 868, л. 21—22; № 159, л. 2—4 (Волог. губ.); № 836, л. 5—6 (Новг. губ.). Ср. также поверья о скрюченной фигуре в белой шапке, в белом или красном колпаке (Волог., Онеж., Тамб.); в золотой шапочке (Костр.), возникающей на колокольне в полночь (*Власова М. Н.* Русские суеверия. С. 259—260).

⁴⁶ *Семевский М. И.* Очерки и рассказы... С. 87—89.

напоминает колокольного мана (в верованиях ряда районов России ман — привидение, а чаще — покойник, обитающий на колокольне), но отождествляется при этом с чертом.

Почти повсеместно верили, что свое присутствие кикимора обнаруживает чаще всего ночью, оставаясь невидимой. Если она водворяется в доме, там «становится нечисто», «чудится или блазнит»: кикимора топает, бегаёт, стонет, стучит и пр. Ее проделки не только грозят бедой, но могут буквально изгнать хозяев из дома.⁴⁷

Суеверия значительной части столичных жителей XVIII в., видимо, несильно отличались от традиционных крестьянских, что подтверждается всеми деталями сюжета о кикиморе либо черте на соборной петербургской колокольне. Нечистый дух появляется ночью, невидим, грохочет и буйствует, вселяя страх и недобрые предчувствия в присутствующих (примечательно, что документальная версия необычайного события гораздо ближе к бытующим народным верованиям, нежели художественная интерпретация А. Н. Толстого).

Спустя три века невозможно установить, какие реальные происшествия в Троицкой церкви (озорство, злой умысел, нечто и впрямь сверхъестественное) послужили основой для разговоров ее причта. Ясно одно: причт принял в них слишком горячее участие, неосмотрительно истолковав не только во вполне народном духе, но и с привнесением опасного «петербургского колорита». «Что ж, с чего возиться-то черту в трапезе? — рассуждают псаломщик и дьякон. — Да вот с чего возиться в ней черту... Санкт-Петербурх пустеть будет».

Дело получает огласку. «Что у вас за черти возятся?» — спрашивает протопоп Симеонов попа Титова. «Не знаю, — отвечает тот, — не знаю, сам не слышал а вот рассказывает псаломщик...». «Пожалуй, что и впрямь кикимора», — замечает протопоп. «Петербурху, Питербурху пустеть будет!» — вмешивается отец дьякон.

Все, что касалось печально известного пророчества Лопухиной (предрекшей городу гибель) или «иных вымыслов на запустение тем или иным способом любимого создания монарха», расследовали с пристрастием. Ввиду стремительного умножения слухов участники «истории с кикиморой» поспешили донести друг на друга в Тайную Канцелярию. Болтунов-толкователей привлекли к ответу. Спустя четыре месяца дело дьякона, «чающего запустения Петербурга», было вершено самим государем, и «вершено сурово»: «... чтоб, на то смотря, впредь другим таких непотребных слов говорить было неповадно».⁴⁸

⁴⁷ Власова М. Н. Русские суеверия. С. 215—224.

⁴⁸ Семевский М. И. Очерки и рассказы... С. 88—100.

Основной вывод, сделанный и уцелевшими, и пострадавшими участниками дознания, был несомненно следующим: всегда, даже в минуты «пьянственного веселья», надо быть настороже и говорить с оглядкой, опасаясь «изветчиков».⁴⁹

Явление столичной кикиморы, переосмысленное городской молвой как подтверждение ужасающего пророчества Лопухиной о «запустении» Петербурга и породившее длительное разбирательство в недрах Тайной Канцелярии, стало одним из свидетельств несмываемой печати проклятия, легшей на Петербург, — символом, многократно поминаемым и в фольклоре, и в литературных экскурсах.

«Так с тех пор, должно быть, и повелось думать, что с Петербургом нечисто. То видели очевидцы, как по улице Васильевского острова ехал на извозчике чорт. То в полночь, в бурю и высокую воду, сорвался с гранитной скалы и скакал по камням медный император. То к проезжему в карете тайному советнику липнул к стеклу и приставал мертвец — мертвый чиновник. <...> С унынием и страхом внимали русские люди бреду столицы» (А. Н. Толстой).

Представления о нечистоте и обреченности, «бесчеловечности», «нерусскости» северной столицы (наряду с парадно-оптимистическими) бытовали в устной культуре, «раскольничьей, крепостной, солдатской, мастеровой, впрочем, и в дворянской», формируя постепенно столь прославленный ныне «петербургский миф».⁵⁰

Явившийся то ли наперекор природе и истинно российским традициям (по мнению славянофилов, перенесение столицы на север «нарушило правильное кровообращение России»), то ли, напротив, возникший на исконно русских землях (как наследник «великих начал древнего вечевго Новгорода») Петербург, безусловно, стал и «сам себе памятником» (В. Г. Белинский), и «воплощенным мифом»

Вполне мифологизированы не только история возникновения города, но и само пространство Петербурга — «города-чиновника», «города-немца», «города-Гамлета», «города-брёда».

На протяжении долгих лет «миф обреченного (либо избранного) города» на разные лады культивировался и простыми горожанами, и столичными литераторами, музыкантами, художниками.

⁴⁹ История колокольных, церковных, кладбищенских привидений Санкт-Петербурга этим не исчерпывается. В 40-х гг. XIX в., например, среди воспитанниц Смольного института был популярен рассказ о девице, рискнувшей ночью пойти на колокольню и столкнувшейся там со сверхъестественным существом в саване, за оскорбление которого она жестоко поплатилась (Угличанинова М. С. Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря 40-х годов. М., 1901. С. 18).

⁵⁰ Некрылова А. Ф. Петербургский постскрипtum. С. 644.

«... Считаю петербургское утро, казалось бы самое прозаическое на всем земном шаре, — чуть ли не самым фантастическим в мире. Это мое личное воззрение или, лучше сказать, впечатление, но я за него стою, — писал Ф. М. Достоевский. — В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германна из „Пиковой дамы“ (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип из петербургского периода!), мне кажется, должна еще более укрепит⁵¹ся.

Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: „А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымет⁵²ся туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?“».

Переполненный странными и призрачными видениями, город представлял в полуфольклорном-полулитературном мифе как город-мираж, проклятый и двоящийся. «Идея двойничества, предопределенная природой и климатом Петербурга, сознательно или бессознательно поддерживалась и актуализировалась самими петербуржцами. Мало того, что город весной, летом и осенью существует как бы в двух измерениях, причудливо отражаясь в глади или ряби Невы, бесчисленных речек, каналов, прудов, фонтанов и столь характерных для Петербурга лужах, отчего получает фантастическое (изломанное, сдвинутое) „обратное“ продолжение; это подобие, в отличие от реальных неподвижных домов, решеток, памятников, кажется живым, наделенным настроением, изменчивым и капризным. Человек, находящийся на пересечении реального пространства и его отраженного „двойника“ поневоле видит и чувствует себя раздвоенным. (...) Неоднократные зеркальные повторения стирают различия между человеком и его двойником, выступающим в виде маски, куклы, призрака, тени, второго „я“ или даже части человека».⁵¹

Доминирующие в петербургской демонологии темы призраков, привидений и «призрачности»; двойников-оборотней и двойничества на протяжении столетий бытуют во взаимосвязанных, взаимоперетекающих версиях: массовой — тиражируемой в городских слухах, толках, суевериях, легендах; и элитарной — развиваемой в художественных произведениях, публицистических экскурсах.

Навеянные и традиционными поверьями, и сугубо петербургскими впечатлениями сюжеты, образы литературных произведений (от бульварных до классически безупречных) распространяются среди петербуржцев и, вновь соприкасаясь с бытующими

⁵¹ Там же. С. 646.

суевериями, порождают очередные трансформации городских «демонических персонажей и сюжетов». Таковы, в частности, многократные метаморфозы Пиковой дамы: в конце XX в. она становится героиней детских страшилок-вызываний, а «дикая мечта» пушкинского Германна, «колоссального лица петербургского периода», оказывается сюжетом игры-гадания, источником современного мифотворчества.⁵²

⁵² Об этом см.: *Топорков А. Л.* Пиковая дама в детском фольклоре начала 1980-х гг. // Школьный быт и фольклор. Таллин, 1992. С. 3—41.